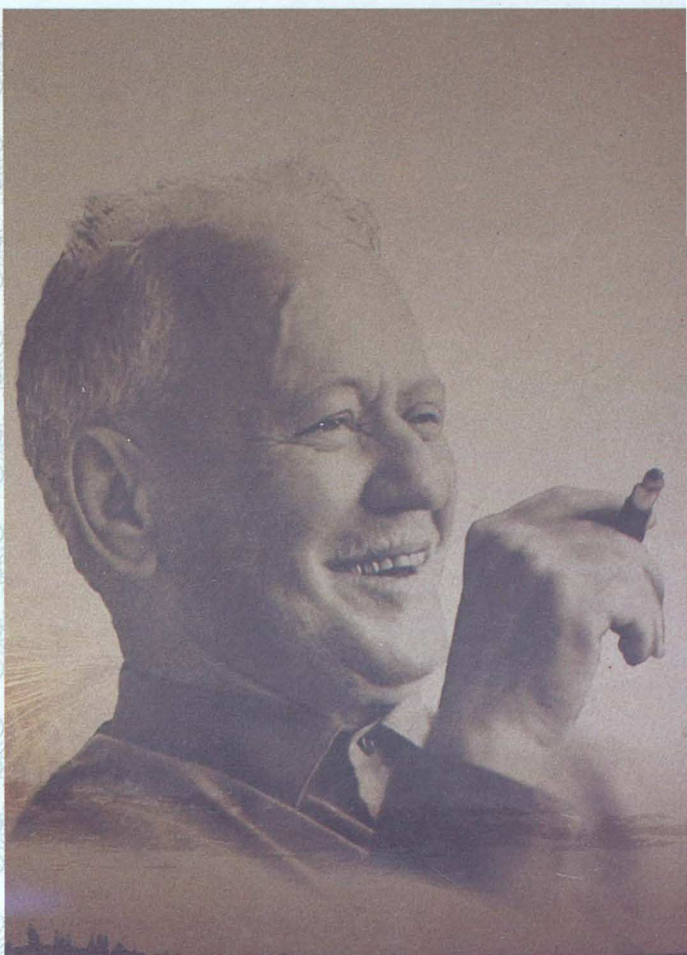

А 2006

3812 кз

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
В КАЗАХСТАНЕ

Бисен Жумагалиев

**Шолохов
в Казахстане**

ГОД РОССИИ
В КАЗАХСТАНЕ

2004
NINOCNN
YCTAHE

Бисен Жумағалиев

Шолохов в Казахстане

Алматы
2004

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ АХДӘМНІЛІК ҚАТАНАСЫ
№ 000400000

82.161.1.00
ББК 84Р7-44
Ж89

**Книга внесена в список социально-важной
литературы Министерства информации
Республики Казахстан**

Ж 89 Жумагалиев Б.
Шолохов в Казахстане. – Алматы: Өлке, 2004 – 176 с.

ISBN 9965-599-41-6

В данной книге автор поведает читателю о своей дружбе с великим писателем, классиком и гением советской литературы М.А. Шолоховым, с человеком, который оставлял яркий и добрый след в сердцах всех, кто с ним встречался, видел, слушал и дружил.

Автор литературного шедевра “Тихий Дон” Михаил Александрович Шолохов был незримыми нитями связан с казахской землей, на протяжении тридцати лет он непрерывно приезжал и жил на Урале, где отдыхал, охотился и работал над своими произведениями. М.А. Шолохов за годы, проведенные на Урале, познакомился с историей, традициями и обычаями казахского народа, который он успел узнать и полюбить.

Б. Жумагалиев в своей книге делится с читателем своими добрыми воспоминаниями об этом светлом, щедром и прекрасной души человеке, который стал родным и близким для казахского народа.

ББК 84Р7-44

Ж 4702010201
00(05)-04

ISBN 9965-599-41-6

© Жумагалиев Б., 2004
© «Өлке», 2004

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ

№ 00046660

От автора

- Я давно полюбил ваш чудесный край. Мне интересна культура вашего народа, язык и обычаи казахов.

Хорошо знаю, как открыт и прост казахский народ, какой он труженик. Знаю, что это смелый и решительный народ. Во время войны сам своими глазами видел немалые беспримерные подвиги казахских воинов. Вы любите гостей, вы милосердны. Еще одна хорошая черта у вас - чтите возраст, уважаете старших.

Я для вас не только земляк. Скажу больше. И от души. Я – казах. Старше многих из вас, здесь сидящих, москаль казах. – эти слова великий М.А.Шолохов произнес на родине великого композитора Курмангазы – в междуречье Волги и Урала.

I

Десять лет я общался с Михаилом Александровичем. И всюду – будь это его излюбленное место отдыха в урочище Урала, или квартира в Москве, или щедрый казахский дастархан, за которым он был гостем, или дальняя дорога, в которой я был слутником, - его мысли то и дело обращались к Казахстану, к прошлому и настоящему его народа, к его природе, к его замечательным людям...

Апрель 1953 года. Я тогда работал в редакции Уральской областной газеты. По служебным делам заглянул в приемную тогдашнего первого секретаря обкома партии Мусатая Шахшина. Там, кроме секретарши я застал незнакомого мне человека. Одежда, гляжу, простенькая: стеганая фуфайка, кирзовые сапоги. Русский, с редковатыми белесо-рыжими усами. Козырек фуражки низко надвинут на глаза.

Сидел этот человек до тех пор, пока из кабинета обкомовского секретаря не вышли все. Я, поскольку он мне показался не знакомым, разговора с ним, как это делал обыкновенно, не затеял, посчитав это неудобным.

Когда кабинет секретаря освободился, мужчина быстро встал и скрылся за дверью.

Я поинтересовался у секретарши, кто это, и, представляете, что она мне ответила?

- Михаил Александрович Шолохов...

Это была моя первая – безмолвная – встреча с великим русским писателем...

Прошло семь лет. За это время я работал в Фурмановском райкоме партии. Закончив высшую партийную школу в Москве, был избран секретарем Уральского обкома партии.

В середине мая 1960 года в кабинете первого секретаря обкома партии Сабыра Биляловича Ниязбекова познакомился с Михаилом Александровичем Шолоховым. В ту встречу я услышал его рассказ о том, как в годы Великой Отечественной войны его

семья переехала на жительство на Урал, как еще тогда он ощутил доброту и сердечность казахского народа, как был тронут его заботой и покровительством и как позже, уже в мирные времена, отдыхал в благодатных окрестностях Урала, набираясь сил и вдохновения для творчества. В заключение посетовал:

- В станицу Вешенскую -- это мое постоянное место жительства -- зачастили в последнее время люди, званные и незванные, особенно в летние месяцы. И природа, надо сказать, заметно там оскудела, не та, что раньше, меньше и рыбы стало, и птицы. Перевелась живность. Ну а на Урале дела получше -- и дичь у вас пока есть, и рыба. Очень хороши уральские окрестности для охоты, моего любимого занятия. Каждый свободный час уделяю... Лето и осень до сих пор в палатке проводили, а холодные дни -- в доме друзей на Шалкаре... теперь детки подросли, тесновато стало в доме, да и друзей уже как-то неловко беспокоить. Думали-думали всей семьей и надумали дом здесь выстроить, на вашей земле, чтобы отдых, а он здесь всегда прекрасный, с работой сочетать. Как вы на это смотрите, а?

- Михаил Александрович, - живо откликнулся на это Сабыр Билялович, - ничуть не сомневайтесь в том, что мы с радостью воспринимаем такое ваше желание. Выстроим вам дом в любом месте, где только вам это будет по душе.

- Мои «разведчики» Петр Гавриленко и Александр Егоров осмотрели кое-какие места, но пока что ни на чем не остановились. Что бы на это сказали вы?

Река Урал пересекает область прямо по центру. Возможно, в том и была загвоздка: не знали «разведчики», какой берег предпочтительнее для писателя. Раньше левый берег Урала назывался Бухарским, а правый -- Самарским, до сих пор их так и зовет народ. На Самарской стороне от города Уральска (ранее Теке) до Гурьева (ранее Уйшик) на расстоянии 18-20 километров один от другого располагались станицы, форпосты Лбищенск и Калмыково. На Бухарской укреплений не было, здесь -- на расстоянии одного пробега коня от берега -- там и тут рассыпались казахские аулы. Я и предложил:

- В Жанакалинском, Фурмановском районах на пути к Уральску – вы и сами, наверное, это заметили, когда переправлялись через Волгу – множество озер, там и рыбы, и птицы хватает. К тому же, если учесть, что от этих озер рукой подать до Ростова, то, как мне кажется, это – самое удобное для вашего пристанища место, не так ли?

- Михаил Александрович, он работал в тех местах, ему виднее, - поддерживал меня тут секретарь. – Не хочется ему, гляжу, вас от себя отдалять... Смотрите, короче, сами. Может, вам прекрасные земли возле Уральска полюбятся...

Писатель дал понять, что подумает еще, где строиться, во всяком случае, сказал он, это непременно будут окрестности Урала, поблагодарил за советы и – уехал.

Позже только мы узнали, что Михаил Александрович давно уже облюбовал себе для жилья южный берег Урала. Еще одной мыслью его было – не возвести ли дом поближе к озеру Шалкар. Был в этом резон. Именно урочище Шалкар долгое время – считай, с 1942 года – было желанным местом отдыха писателя, где он не раз бродил наедине, обдумывая, быть может, свои будущие произведения.

В конце концов Шолохов, как мы уже сказали, остановился на южном побережье Урала. И это место было красивым. По весне, когда Урал, выходя из берегов, мчал свои волны по направлению к Каспию, его ширина в некоторых местах достигала 15-20 километров. Затоплялись не только промоины и ложбины на дорогах, но и все углубления, вплоть до оврагов. Море разливанное плескалось потом на километры вокруг, а верхушки деревьев торчали из воды, как прибрежный камыш.

У озера Шалкар, кстати, деревьев и в помине нет, и аулы далеко в стороне.

Итак, в 100 километрах от Уральска, на месте старого русла реки Урал, начала возводиться дача. Вокруг – леса с дичью, водоемы с рыбой. Возле дачи лесники по своей инициативе посадили ягоды. И воздух был здесь великолепен. Даже в июньский зной духота не ощущалась, веяло чудодейственной

прохладой. В послеобеденные часы степь доносила запахи полыни, повилики. Ну а зимой разве что следы зайца и корсака обнаружишь на снегу, а так – не увидишь более ничего. Жаль, писатель в зимние месяцы здесь не жил, а то ведь и зимний, настоящий на морозном безветрин воздух по-своему прелестен...

Поначалу новое пристанище писателя никак не называлось. Название определилось позже – Братановский Яр. Старый казахстанский журналист, давний друг Шолохова Петр Гавриленко по-своему объясняет историю названия, но, я скажу, его домыслы и предположения далеки от истины, а обоснования и вовсе неуместны. Словосочетание «Братановский Яр» впервые мы услышали из уст самого Шолохова. И обоснование он дал свое – мы, дескать, казаки, с казахами, давние друзья, так тому свидетельством и дача. Но есть еще и такое объяснение. В старые времена, как я уже говорил, казахи жили на левом берегу Урала, а уральские казаки – на правом, в линейных укреплениях. Так вот еще в те времена оба народа соединяли не только хозяйственные отношения, но и тепло, которое за этими отношениями крылось. Случались, к примеру, моменты, когда «и скотина с того и этого берега, и ее хозяева в общем дворе оказывались», как вот в этой притче. Из форпоста на правобережье реки сбежал по неизвестным причинам молодой казак. Переправившись через реку, лето он укрывался в лесу. Подступила холодная осень, зима уже ледяным посохом погромыхивала – что казаку делать? В казахский аул подался приюта искать, там его молодой казах и приветил, его сверстник, место ему в доме отвел... Когда вновь настало лето, казак в лес вернулся и казахского друга туда с собой увел. Вместе они летние дни за рыбной ловлей коротали. Осенью казаку пришла пора назад возвращаться. На высоком яру попрощались приятели. Обнялись. Казак казаху много благодарных слов сказал. Ночью через Урал переправился. Старик охранник, не узнав казака, проговорился, что вся его семья истреблена – родители, братья, сестры. Потрясенный горем молодой человек вновь переплыл

реку, добрался до брошенного им шалаша, а там – глядь! – друг его казахский. Не ушел еще. Забрал казах казака к себе в дом уже насовсем – породнились они, братьями назвались. Этот казак женился потом на казашке, народилось у них много детей, которые якобы сами по себе целый аул составили... Отсюда якобы и тот яр, на котором некогда казак с казахом прощались, стал называться с тех пор Братановским Яром...

Возможно, Михаил Александрович Шолохов, долгие годы охотившийся на зверя и птицу в окрестностях Шалкара, слышал эту притчу, тем более что и потомки этого молодого казака, как рассказывают, проживали еще здесь. И действительно, позже, когда я в разговоре коснулся вскользь этой притчи, Михаил Александрович дал понять, что знает про нее...

Трехкомнатный особняк из белого кирпича, который среди местного населения известен как «дача Шолохова», не был приспособлен для проживания в нем зимой. Да Михаил Александрович и сам навещал его только в летние месяцы. Старый лесник-казак был единственным соседом писателя. До ближнего аула от дачи было далековато.

С лета 1961 года обосновался Шолохов на даче.

Мы с первым секретарем Чапаевского райкома партии Габбасом Рзалиевичем и навестили его в один из первых дней, чтобы поздравить с новосельем. Михаил Александрович обрадовался нам. Расспросил о новостях в области и районе, поинтересовался, как живет народ.

В ходе разговора Габбас как бы между прочим вставил:

- Казахи в честь нового соседа дают званый обед – ерулик. Это – древняя традиция. Так что приглашаем вас с супругой на ерулик, Михаил Александрович.

- Я давно знаю, что вы – народ гостеприимный. За приглашение спасибо. Но – давайте-ка в другой раз, а? – взмолился писатель. – Сейчас, когда пишется, не хочется, право, отрываться от стола. Не обижайтесь. Ограничимся сегодня дастарханом моей супруги.

Пока Мария Петровна щедро нас потчевала, разговор

продолжился. Писатель намекнул, что хотел бы познакомиться с историей края, при этом выразительно глянул на меня.

Я вспомнил тотчас про нашу беседу прошлым летом в доме у Сабыра Биляловича Ниязбекова. Тогда Михаил Александрович буквально засыпал нас вопросами по истории области. Мы, как видно, ничего примечательного ему не рассказали, и он, помнится, мне наказал:

- В следующий раз, когда приеду, надеюсь, товарищ идеолог, именно из ваших уст услышать про известные исторические факты и легенды, здесь бытующие...

Этот наказ М.А.Шолохова подогревал во мне жажду поиска. Признаться, я и раньше питал страсть к историческому материалу, в частности, к древним историческим писаниям, что-то даже по-своему искал, но, сами понимаете, теперь, после наказа именитого человека, эти поиски следовало удвонить...

Мне тут придется несколько отвлечься. В годы учебы в Москве в библиотеке Высшей партийной школы мне удалось наткнуться на уникальный фонд – библиографию книг из библиотек бывшего Университета народов Востока и института имени Шанявского. Я нашел древние труды ученых, посетивших некогда казахский край. Для меня было удачей увидеть документы, свидетельствовавшие о давнем интересе России к казахскому Приуралью. Историко-этнографическим запискам П.И.Рычкова, к примеру, более 200 лет. В них – подробное описание природы, состава населения, общественного и хозяйственного строя всего Арало-Каспийского края. По мнению многих других исследователей более позднего времени, его «Топография Оренбургской губернии», изданная еще в 1762 году, - капитальный научный труд.

«Дневниковые записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году» И.Лепехина – это итог поездки русского ученого и возглавляемой им экспедиции по Эльтонскому и Камыш-Самарскому озерам, по рекам Малый Узень и Большой Узень, по Нарынским пескам, по правобережью Урала. Записки представляют собой солидный

энциклопедический труд по этнографии, природе и хозяйству края.

«Путешествия по разным провинциям Российской империи» П.С.Палласа, крупнейшего ученого-исследователя своего времени, академика, трижды посетившего казахстанское Приуралье, - это трехтомный труд «о состоянии рыболовства, скотоводства и хлебопашества края».

Фауна, флора и этнография Букеевской степи нашли отражение в научной работе известного путешественника-натуралиста С.Г.Гмелина «путешествия по России для исследования трех царств природы».

Следует тут сказать, что именами двух немецких ученых – П.С.Палласа и С.Г.Гмелина – названы две станции на железнодорожном пути Саратов-Астрахань: это Палласовка и Гмелинка.

С интересными сведениями из жизни уральских казаков и казахов начала XIX века я ознакомился также в исследованиях А.Левшина, А.Рябинина, П.Соколовского, Н.Бородина, А.Кауфмана, Н.Шевалье, С.Бабаджанова, братьев А.Н. и Я.Н.Ханыковых и др. Так что, вооруженный прежними познаниями и теми, что удалось приобрести еще после наказа писателя, я постарался на сей раз не ударить в грязь лицом, всячески поддерживал разговор за необыкновенно вкусными яствами Марии Петровны... А шел он, в основном, о природе, которая волновала Михаила Александровича постоянно. О природе и обо всем живом, что ее населяет, он мог слушать часами... тем более – о древнем Яике с его крутыми ярами, о бесконечной степи, рассыпавшей желтые пески, о беркуте, распахнувшем над степью могучие крыла...

Не ручаюсь за живость своего тогдашнего повествования, но думаю, что Михаил Александрович – при его-то воображении! – увидел казахское Приуралье таким, каким оно было когда-то. Я попытался нарисовать это по старинным книжным источникам, с которыми ознакомился, по беседам со старожилками края. Я думаю, он увидел и убегающие в синюю даль курганы -- древние

могильники скифов и половцев, и жаворонка, зависшего над курганами, и дроф, разбредшихся по ковыльной степи... Степь без птиц мертва. Лишь только зеленый ковер трав устелет ее, шум и гам поднимаются над Каспийским взморьем. Лебеди и красные гуси – в камышовых зарослях, пеликаны и бакланы – на песчаных морских островах... Я думаю, он увидел и могучие тугайные леса, тянувшиеся некогда широкой полосой – кстати, в какой-то степени они сохранились и сейчас – по берегам Янка и по берегам его многочисленных притоков. Какие только звери не водились в них! Под сенью девственных кроп в огромном количестве мирно уживались куницы, выдры, дикие кабаны, белки. По степи, которая начиналась сразу за лесами, пронеслись легкие и быстрые, как ветер, сайгаки. По долинам и среди курганов паслись тарпаны и куланы.

Михаил Александрович, помнится, переспросил:

- Тарпаны и куланы? Сайгаков, положим, я представить могу, то тарпанов и куланов...

- Это дикие ослы, - поспешил я объяснить, но Михаил Александрович, дотошный в любой беседе, ответом не удовлетворился.

Готовый к этому, я потянулся к спасительному блокноту, который с некоторых пор стал носить с собой – такой предусмотрительностью, думаю, я обязан Шолохову, только ему. Так вот в этом блокноте было кое-что о тарпанах и куланах, почерпнутое мной из «Оренбургских степей» вышеупомянутого исследователя П.И.Рычкова. Вот как он их описывает: «тарпаны ростом против средней лошади, только круглее, шерстью саврасые и голубые... От киргизских лошадей отличны они головами, потому что головы у них большие и на лбу имеются западины. Киргиз-кайсаки, собираясь человек по двадцати оду-конь, их ловят и привязывают к своим лошадям на шею арканами и так... держат по месяцу и более и, тем приобщая их, употребляют к езде, как и своих лошадей... Куланы ростом... выше тарпанов, поджарые... но хвост короче, гриввы небольшие, шерсть на них густая и не малая... ходят великим табунами, так

что по тысяче и более случается. Киргизцы, стреляя их, употребляют себе в пищу».

- А где же эти тарпаны и куланы сейчас? – полюбопытствовал невинно Михаил Александрович, пряча улыбку в усы.

- Ну, куланы, может, еще и есть, но по тысяче, конечно же, не ходят уже. а тарпаны... - я беспомощно развел руками. – Слышал, в каком-то заповеднике их считанные единицы...

- В этом и беда наша... - вздохнул писатель. – На заповедники уповаем... А жить-то и после нас будут, а? Что мы потомкам нашим оставим от живой природы?..

Наступило молчание.

- Объясни мне, пожалуйста, следующий факт, - оживился он после. – был я тут в апреле 1954 года, собственными глазами наблюдал, как сильный ветер и дождь вдруг сменились морозом, самым что ни на есть настоящим, зимним. Никогда подобного мне не доводилось видеть. Спрашиваю у людей, что это за такой резкий переход, а они в ответ: «Бескопак», в переводе – «Пятеро гостей». Аксакал один попытался разъяснить, но то ли неправильно его перевели, то ли что другое, но я так и не понял ничего, - и поглядел на меня пытливо.

- Пожалуйста! – с готовностью откликнулся я.

И – легенду одну ему поведал, она среди уральских казахов живет.

... Некий бай Хасан на старости лет женился вторично, да такую себе жену отхватил – красавицу из красавиц, гибкую, как камышинка на озере, и юную, точно нарождающаяся луна, словом, такую, что молва о ее красоте по всей степи распространилась. Потянулись люди отовсюду к Хасану, чтобы на его чародейку взглянуть. И пятеро молодых джигитов – тоже. Очень уж их луноликая суженая Хасана заинтересовала. Весна была, только началась. Зелени еще нет – один кокпек, жесткий, корявый, да старая польнь, вся высохшая. Ястреб над всадниками кружит да постанывает почему-то, будто о чем-то предостерегает.

Джигиты едут, значения плачу птицы не придают. Солнца мало – птаха и кричит, решили они.

Тропинка степная – узкая, не наезженная, вьется вокруг курганов, как обретенная кем-то веревочка.

Степь молчит. Молчат и джигиты, только чапаны потеснее запахивают – холодать почему-то стало.

- Солнца все меньше и меньше... - заметил, не выдержав молчания, старший из джигитов.

- Ветер никак поднимается... - обронил второй.

- Под дождь, глядишь, попадем... - поежился третий.

Двое остальных не сказали ничего.

Кони расфыркались.

Небо, черное, тяжелое, в какую-то минуту понеслось вниз, а может, так показалось джигитам, кто знает?.. Но что солнце закрыли тучи, в этом джигиты не ошиблись, потому что стало темно. Ветер задул, да такой сильный, что джигиты поначалу едва не задохнулись.

Расхохотался ветер, воет:

- У-у! У-у-у!..

Точно струны огромной домбры перебирает...

И – хлынул дождь! Степи не видать...

Хлестнули джигиты коней, а они, бедные, топчутся-кружатся на месте – ветер с ног сбивает. Дождь косыми струями по лицу джигитов стекает...

Спешились они. Взяли коней за повод...

Совсем темно стало. Ночь, наверное, уже спустилась.

Дождь... ветер... ночь...

Так было до утра.

Утром дождь обратился в снег.

Снег... ветер... мороз...

Так было три дня.

Так было и на четвертый день, но его прихода джигиты не увидели...

На пятый день взошло солнышко, разогнало тучи. Мороз трусливо в барханах затаился, осев на них тонким инеем. Ветер, свистнув в последний раз, умчался восвояси...

И – потекли ручьи... травы зазеленели...

А пятерых джигитов вместе с их лошадьми пастухи в степи замерзшими нашли...

Ехали, получается, пятеро гостей к красавице на свадьбу, а угодили на свадьбу к смерти...

- Вот с тех пор непогода в начале весны, а точнее, с 14 по 20 апреля – она в это время несет с собой холод, ветер, дождь, которые потом в снежный буран обращаются, - и стала носить название «Бес конак». С тех пор, рассказывают, и казахи выгоняют скотину на пастбище только после «бесконака»... Что интересно, подобным капризом природы страдает один Западный Казахстан... - закончил я.

- Справедливо к народному опыту прислушиваться, - заметил Михаил Александрович. – И до метеорологических исследований люди умели предугадывать погоду, определять, какими будут зима или лето. И в этом – проявление народной мудрости. Не так ли?..

Мария Петровна поставила перед нами исходящую паром уху. Разговор, естественно, на рыбу и рыболовство переключился. Михаил Александрович, сощурившись, глянул на меня. Мне в ту минуту, признаюсь, показалось, что я держу экзамен перед ним. Настоящий экзамен. Даже смешинки в его глазах не обещали мне поблажки.

- Дай поесть человеку! – взмолилась тут Мария Петровна, заметив, видно, взгляд мужа, брошенный на меня.

- Коли он джигит, - ответственвал невозмутимо писатель, - так он успеет и то, и другое. Выкладывайся, идеолог!..

- Я не заставил его ждать, с ходу начал:

- Урал испокон веку был кормильцем местного населения и казацкой войсковой общины. Не зря казаки реку «золотым донышком» называли. Основным ее богатством были осетр, севрюга, белуга...

- Рыбина-то какая! – подхватил писатель.

Необыкновенно вкусна была уха, тем не менее и экзамен остался экзаменом... Я продолжил рассказ.

... Из истории края известно, что город Гурьев с 1770 года

целиком перешел во владение уральских казаков. Отсюда, возможно, и следующая запись П.Палласа в его «Путешествиях»: «Главный промысел и упражнение яицких казаков состоит в рыбной ловле, которая нигде в России столь хорошо не распорядена и законами не ограничена, как в здешнем месте». Способы рыбной ловли, применяемые Уральским казачьим войском, существенно отличались от методов рыболовства в Донском, Терском, Кубанском, Астраханском казачьих войсках.

Каковы были эти способы?

Так называемая «осенняя плавня» производилась в нижнем течении реки, начиная от Каленовского поселка до Гурьева. Все это расстояние, составлявшее более 300 километров, делилось на 13 рубежей, на каждом из которых рыбачили лишь день. К назначенному сроку все участники рыбной ловли съезжались в Каленовский поселок с бударами – долбленными лодками, ярыгой и другими снастями. Атаман выстрелом из пушки давал сигнал, и люди (их число порой доходило до 7-8 тысяч) устремлялись к середине реки, к месту наибольшего скопления рыбы. Вспугнутая необычайным оживлением на реке, она охотно шла в ярыги, которые по мере наполнения высвобождались и вновь опускались в воду. С наступлением темноты будары вытаскивались на берег, чтобы идти на следующий рубеж...

Осенняя «плавня» составляла четверть годового улова. До тысячи пудов ценной икры производили рыбаки...

Весенняя «плавня» иначе называлась «севрюжьей». Начиналась она в марте в Кругловском поселке и заканчивалась – тоже порубежно – в мае в Гурьеве.

Из зимних способов наиболее популярным было «багренье», орудием лова здесь служили багры. Они обычно были из стали, привязывались к вязовому пруту.

По рассказам очевидцев, зимний лов представлял собой увлекательнейшую картину. Он превращался во всенародный праздник, потому что в нем участвовало, считай, все население. Разбитые на небольшие артели ловцы по сигналу атамана на легких санях устремлялись к высмотренным еще с лета участкам реки.

С необыкновенной быстротой каждый в одиночку выдалбливал небольшую прорубь и «нашупывал» через нее белугу или осетра. Багренья требовало от ловца известной сноровки, смелости, удалства, а главное – скорости в движениях. В среднем, во время багренья вылавливались 10-15 тысяч пудов рыбы, но бывало и больше – так, в 1886 году улов достиг 33383 пудов.

Гурьевцы, можно сказать, не участвовали в багренья, поскольку у них был свой промысел – морское рыболовство. И здесь существовали различные способы ловли, из которых наиболее примечательным считался «ахан» - подледная рыбалка особыми сетями. Не каждый мог заниматься аханьим рыболовством. Кроме большого количества рыболовных снастей, требовались еще и лошади, сильные, с крепкими ногами, способные прыгать через льдины. Надо сказать, этот вид ловли требовал отваги, а порою и самопожертвования. Случалось что от внезапно налетающих теплых ветров лед вдруг начинал таять, дробиться, рыбаков относило далеко в море. По существу в таких переделках людей спасали лошади, но, когда положение становилось критическим, рыбаки этих же лошадей, своих верных друзей, что же делать, забивали. По особому способу – без надреза – с животных снимали потом шкуры и, надувая их, собирали небольшие спасательные «плоты», с которых людей могли снять встречные астраханские судна, но это, конечно, в том случае, когда рыбакам «везло», а бывало, что и не везло...

До революции рыболовством в крае занималась треть населения. Среди рыбаков было немало и казахов. В годы джута, например, основным средством существования становилась рыба...

- Известное дело, рыба – продукт неплохой, - рассмеялся Михаил Александрович, с лукавинкой взглядывая на нас с Габбасом. И добавил: - Идеолог, по-моему, заслуживает добавки...

- Не откажусь, - подтвердил я. – У вас золотые руки, Мария Петровна...

- Спасибо. Ешьте на здоровье, - откликнулась женщина,

ставя передо мной вторую тарелку.

Михаил Александрович задумчиво произнес:

- Севрюга, белуга, осетр – это ж такое богатство... Красная рыба, как говорят казахи, так? Ей, этой рыбе, и в самом деле цена красная, особенно сейчас, а почему?

- За рекой неважно смотрим. В прошлом-то как? В прошлом за Уралом, как за дитем малым, глядели. После весенней или севрюжьей «плавни», например, то есть где-то с 25 мая всякое рыболовство на Урале до осенней плавни запрещалось, не мешали рыбе, не тревожили ее. С этой целью и лес по реке не сплавляли, и всяким лодкам и баржам ход закрывали, даже скотину на водопой не пускали, а на берегу костры не велили жечь. Вот так спокойствие рыбы держали, она зато вес нагуливала, красоту...

- Опыт народный беречь надо, особенно в том, как природу сохранять. Все мы, собственно, - от нее, от матери-природы... как же за мать-то не радеть?.. – заключил беседу Михаил Александрович.

II

В 1964 году писатель на Урал приехал в начале сентября. Заглянул в обком.

- Поздороваться зашел, а заодно с богатым урожаем поздравить, - сказал он. - В Каменском, Зеленовском районах, а также при въезде в Уральск плакаты видел: «Сдадим 65 миллионов пудов зерна!» Хорошие лозунги. Душа радуется.

- И мы рады не меньше! - заулыбался я.

Не задержался Михаил Александрович, тотчас уехал...

В конце октября этого же года в Казахстане намечалась декада русской литературы и культуры. Тогдашние руководители республиканского Союза писателей Габит Мусрепов и Джубан Мулдагалиев позвонили мне, попросили узнать, будет ли Шолохов на декаде.

На даче писателя телефона не было, пришлось отправляться самому...

Михаил Александрович, как выяснилось, рыбачил.

- Посидите, - предложила Мария Петровна. - Не должен задержаться, скоро будет.

Я, помнится, прихватил тогда с собой всю почту для Шолохова. Что удивительно, очень много ему писали, и сам он не ленился на письма отвечать. Выработанная с давних лет привычка...

Мария Петровна писем не вскрывала, но интересовалась, откуда они. Вот и сейчас, перебирая их, тихо бормотала:

- Из Москвы... из Ростова... из Англии...

На один конверт взглянула и бросила:

- А, с Плющиhi...

- Это какая область? - спрашиваю.

- Это не область, это - один из районов Москвы. В самом центре сейчас, а была окраина, - ответила женщина. - Михаил Александрович в юности там жил, когда в гимназии учился.

- И после женитьбы вы в Москве на Плющиhi жили?

- Нет, не на Плющиhi, а в доме на углу улицы Георгиева.

Раз уж завязался такой разговор, я и давай спрашивать дальше:

- Как, - говорю, - и когда вы с Михаилом Александровичем познакомились? Расскажите, если не секрет?

Мария Петровна улыбнулась:

- Когда я Мишу первый раз увидела, ему и восемнадцати еще не было. В епархиальном училище я занималась, а тут - гражданская война, нас и распустили. Учительницей работала, когда меня на статистическую службу призвали. Помощницей к финансовому инспектору Шолохову определили. Беспокойная работа. Кто-то доходы утаить хотел, кто-то жаловался, что землю ему неправильно отмерили, короче, налогов бы всем поменьше платить...

Вздыхнула женщина.

- А Михаил Александрович не любил, когда люди обходные пути искали. Правда для него святой была. Я, бедняжка, все расчеты домой таскала, ночами писала. Матери еще помогала, корову доила. А тут Миша в 1922 году в Москву на учебу уехал. Переписывались мы. В конце 1923 года он в нашу станицу Усть-Медведицкую приехал и сказал, что жениться на мне хочет. Свадьбы никакой не было. Время тяжелое ведь...

- Свадьбы не было, зато всю жизнь - вместе...

Мария Петровна опять улыбнулась. Не испытывая моего терпения, продолжила:

- Морозной январской ночью 1924 года добрались мы на санях до станции, оттуда - на поезд и - в столицу! До сей поры я Москвы-то не видела. В одной единственной тесной комнатушке ютились. И добра у нас никакого. Вместо стола - ящик. И одежка бедная. Михаил Александрович 70 рублей получал, так половину заработанного он отцу с матерью высылал. Перебивались кое-как. Служба неприметная у него была - под началом управдома Мурумова. Человек он был покладистый, впустую Мишу не гонял и всегда, куда надо, отпускал. свои первые рассказы Миша в конторе и писал... когда время свободное было... Помню, даст мне рукопись и говорит, на-ка,

почитай, как?.. Он и дома головы от писанины не поднимал. Некоторые вещи я переписывала. Позже я это на машинке делать стала. Первой, короче, его сочинения читала...

И опять Мария Петровна улыбнулась. Хорошая у нее улыбка - от нее легко, спокойно на душе.

- Как-то Михаил Александрович повел меня в Большой театр. Недалеко мы от театра жили. Сосед причиной послужил. Фамилия - Гремиславский. Почему фамилию не забыла? Да с моей схожа, в девичестве-то я - Громославская. так вот этот Гремиславский в Большом театре работал. Очень мы были рады, что в Большой театр пошли, да вот с одеждой-то сконфузились. Оказалось, и тогда люди умели красиво и модно одеваться...

Мария Петровна собрала письма стопочкой, положила их на край письменного стола. Снова заговорила:

- Как бы ни хотели остаться в Москве, а жить день ото дня становилось трудней. Я не работаю, Мишиного заработка не хватает. К тому же и Светлана родилась... летом 1926 года мы вернулись на родину - в станицу Усть-Медведицкую, в которой мои родичи. Отец мой атаманом станицы был. Атаманом, сами понимаете, казаки достойного человека избирали, лучшего из лучших. Отец ни за красных не был, ни за белых, и в войне не участвовал. Конечно, когда красные пришли, они его арестовали, но, как других, не стали наказывать... Миша тогда только начал «Тихий Дон» писать. Тишина ему требовалась, уединения искал. Все думал о том, что в гражданскую увидел, что участники войны ему рассказывали... Все-все вспоминал, через себя, как он говорил, пропускал, через свое сердце... Он и к церковникам тогда почему тянулся? Книжки тогда у попов хорошие были. Ну и, понятное дело, в архивах и библиотеках пропадали. И до сих пор бегает...

Нашу интересную беседу с Марией Петровной оборвало появление Михаила Александровича. Удачливым он с рыбалки вернулся. Я передал ему приглашение Союза писателей Казахстана на декаду русской литературы и культуры, на что писатель ответил:

- Десять лет уже, как был в Алма-Ате. Что может быть лучше встречи и общения с друзьями?! Но - дальняя больно дорога, боюсь, тяжеловато это для меня будет. Большое спасибо! Пусть считают, что я - там, на декаде, со всеми...

- Михаил Александрович и телеграмму написал:

«Шлю сердечный привет всем участникам декады, а землякам - казахским писателям - от души желаю новых творческих успехов.

Ваш Шолохов».

Видя, что я мешкаю, писатель спросил:

- Что-то еще?

- Понимаете, - сказал я, участники декады к нам в область не приедут, а трудящиеся области желают встретиться с вами. Как вы на это смотрите?

- Положительно. С вами - уж так и быть...

На торжественное открытие декады в Алма-Ату пригласили и меня.

В Союзе писателей я встретился с Габитом Мусреповым и Джубаном Мулдагалиевым, передал им, что Михаил Александрович приехать не может.

- А, по-моему, хитрит Миша, - сказал тогда Мусрепов. - Десять лет назад он на съезд приезжал один, без Марии. Как водится, по гостям ходили из дома в дом, весело было, так все, помнится, как сговорились, допытывались у Миши, почему жену не привез? А он все отшучивался, в следующий раз, дескать, привезу, коримдик (плата за смотрины) готовыте... с женой, наверное, опять что-то не сладилось, а один теперь ехать не хочет - боится... Ну да ладно уж, шучу... Каждый раз, как видимся, спрашивает Миша - слышали ли вы, что в Уральском крае есть озеро Шалкар? Не просто спрашивает, а так, с укором, я же это чувствую. Почему бы, говорит, вам не заглянуть туда осенью, когда гуси улетают? Хотите, говорит, - из ружья пальнете, не хотите - отдохнете, обдумаете, про что писать, охота, говорит, писательскому делу никогда не мешала... Интересный он человек...

Мусрепов помолчал, а потом ударился в воспоминания.